

A close-up, profile view of a woman with dark hair and green eyes, looking thoughtfully to the right. She is holding a small, clear glass perfume bottle with a stopper, containing a golden liquid. The background is dark and atmospheric, featuring a large, antique-style clock on the left and a faint, ethereal painting of a woman's face in the center. The overall mood is mysterious and romantic.

Ольга Ефимова

"ЧАРЫ ЛЮБВИ"

18+

Ольга Ефимова

"ЧАРЫ ЛЮБВИ"

<https://litres.ru/74033413>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она готовила яд. Он подписал контракт. Никто не думал, что всё закончится любовью.

У Веры Серебровой было всё: любимый жених, интересная работа архитектора и планы на счастливое будущее. Но за месяц до свадьбы её Даниил погибает при загадочном пожаре. А мать сообщает, что семейный особняк вот-вот отойдёт кредиторам, и единственный способ спасти дом — выйти замуж за миллионера Алексея Корсакова, холодного и расчётливого бизнесмена.

Вера соглашается. Но не для того, чтобы стать женой. Она нашла старинный дневник прабабки, где описан рецепт яда «Улыбка вдовы». За сорок дней до свадьбы она готовит отраву. Её цель — не сохранить дом, а отомстить. Она уверена: Корсаков убил Даниила.

Вера узнаёт, что у её «врага» есть своя боль, своя потеря, своя правда. И когда выясняется, что убийца Даниила — совсем другой человек,

« — это история о том, как ненависть оборачивается любовью, месть — прощением, а яд, который готовили для врага, становится спасением для двоих.

Содержание

Глава	4
Пролог	4
Глава 1. Сорок дней	8
Глава 2. Полнолуние	23
Глава 3. Фальшивая улыбка	37
Глава 4. Три капли	55
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Ольга Ефимова

"ЧАРЫ ЛЮБВИ"

Глава

Пролог

Бабушка всегда говорила: «Наша любовь пахнет ландышами». В детстве Вера думала, это комплимент. Потом выяснила: ландыши ядовиты. Каждый год в мае бабушка ставила букетик на подоконник, смотрела на белые колокольчики и улыбалась — той самой тяжёлой улыбкой, после которой хотелось спросить: «Кого ты похоронила, ба?»

Ответ Вера узнала поздно. Слишком поздно.

Ей было двадцать семь, когда часы в родительском доме пробили восемь раз, хотя стрелка застыла на двенадцати. Бабушка сидела в кресле, укрытая пледом, и перебирала старые фотографии. На каждой — женщина в чёрном. На каждой — мужчина, чьё лицо аккуратно зачёркнуто чернилами.

— Смотри, — бабушка ткнула сухим пальцем в одну из карточек. — Прабабка твоя, Агата. Отравила жениха. Тот полюбил другую. Считается, что это было нечестно.

— Бабуль, хватит, — отмахнулась Вера. — Двадцать пер-

вый век. Никто никого не травит.

— А вот её дочь, моя тётка, — бабушка не слушала, перекладывала фотографии, как карты в пасьянсе, — отравила мужа. Бил её. Тоже, знаешь, не подарок. А моя родная сестра, Циля, угостила любовника настойкой на вишнёвых косточках. Хотела, чтобы не уходил. Перестаралась.

Вера взяла бабушкину чашку с ромашкой, отпила глоток. Чай остыл и отдавал горечью.

— Ты к чему это?

— К тому, девочка, — бабушка подняла на неё глаза, выцветшие, но цепкие, как рыболовные крючки, — что любовь в нашей семье — это яд. И противоядие. Одно без другого не работает. Если полюбишь по-настоящему — будь готова хоронить.

Вера засмеялась. Тогда она ещё умела смеяться легко, не оглядываясь.

— А ты? Ты кого отравила?

Бабушка помолчала. Долго. Так, что в комнате стало слышно, как тикают часы — хотя они сломались ещё в девяносто первом.

— Я не успела, — сказала бабушка. — Он сам умер. От разрыва сердца. Представляешь? От любви. Ко мне.

И улыбнулась. Той самой улыбкой.

Вера тогда не придавала значения. Она вообще не придавала значения странным бабушкиным сказкам. Потому что у неё был Даниил. Даниил, который пах корицей и типограф-

ской краской, который рисовал на салфетках её портреты, который умел шептать на ухо такие слова, от которых плавились кости.

Она собиралась сбежать с ним. Подальше от семейного особняка, от долгов, от навязчивой матери и от помолвки с человеком, которого даже не видела вживую. Человеком по фамилии Корсаков.

— Подготовьте документы, — сказал тот человек по телефону матери. Вера слышала этот разговор из коридора. Голос был ледяной, как наледь на проводах. — Свадьба через месяц.

Она тогда засмеялась снова. Идиот. Она уже занята. Она любит.

А через три дня мастерская Даниила сгорела.

Пожарные сказали — замыкание. Соседи говорили — газ. А Вера смотрела на обугленные стены, на рухнувшие перекрытия и на то, как чёрный пепел оседает на её белое платье — то самое, в котором она собиралась бежать на вокзал.

Она не плакала. Она сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. И вспомнила бабушкины фотографии.

Вдова. Улыбка.

У неё не было настойки на вишнёвых косточках. Не было столетнего рецепта «Улыбки вдовы». Но был старый дом, полный пыльных книг, и был дневник прабабки Агаты, где на тридцать седьмой странице значилось:

«Возьми корень болиголова, цветы ландыша и три капли

того, чего тебе жальче всего. Смешай в лунную ночь. Напои того, кто разбил твоё сердце. И не вздумай любить его в ответ — иначе противоядием станешь ты сама».

Вера перечитала эту запись семнадцать раз. Потом закрыла дневник и посмотрела в окно.

На подоконнике стояли ландыши. Бабушкины. Ядовитые.
— Здравствуй, жених, — сказала Вера в пустоту. — Я согласна.

За окном били часы. Восемь раз.

Хотя на самом деле была только полночь.

— Но не на свадьбу. На похороны.

Глава 1. Сорок дней

Вера проснулась от того, что в комнате пахло дымом.

Это был не пожар — просто сосед на этаже решил пожарить рыбу на сковородке, и запах просочился сквозь неплотно закрытую дверь. Но для Веры этот запах стал триггером. Она села на кровати, прижала колени к груди и замерла, ожидая, когда пройдет волна тошноты. Не прошло. Она так и сидела, раскачиваясь, пока шторы не начали светлеть от расвета.

Четыре дня. Четыре дня с тех пор, как сгорела мастерская. Четыре дня, как она стоит на балконе в три часа ночи и смотрит на звёзды, которых в городе почти не видно. Четыре дня, как её телефон молчит. Не потому, что никто не звонит — звонят. Мать, сослуживцы, участковый. Но нужный человек никогда больше не позвонит. Даниил заблокирован навечно в её списке контактов, и его аватарка — улыбающийся, с лохматой чёлкой — будет стоять там до тех пор, пока Вера не решится удалить. Она не решится. Она вообще теперь ничего не могла решить. Даже встать с кровати.

Ванная комната встретила её зеркалом, полным трещин — ещё прошлогодний ремонт тянула, так и не дотянула. Сквозь трещины её лицо распадалось на три части: глаза, нос, рот. Три Веры, каждая сама по себе. Одна хотела умереть. Вторая — убить. Третья — просто лечь и никогда не

открывать глаз.

Она умылась ледяной водой, хотя краны работали нормально. Просто холод помогал думать. Вода стекала по шее за воротник футболки, и это напоминало слёзы. Но Вера не плакала. Она перестала плакать вчера утром, когда поняла, что слёзы не приносят Даниила обратно. Слёзы только разъедают кожу и оставляют красные пятна.

Телефон завибрировал на тумбочке. Вера не хотела смотреть, но рука потянулась сама — как за никотином. Мать.

«Вера, сегодня в шесть у тебя встреча с Корсаковым. Не смей опаздывать. И оденься прилично, не в эти свои свитера»

Вера прочитала сообщение дважды. Потом перечитала ещё раз, вслушиваясь в слова, как будто они могли изменить смысл от повторения. Не изменили. Корсаков. Человек, которого мать прочит ей в мужья. Человек, чьё лицо Вера видела только на фотографиях в деловых журналах: острые скулы, холодные глаза, никакой улыбки. Человек, у которого хватило наглости согласиться на этот фарс, пока она, Вера, хоронила Даниила.

Хоронила. Она даже не смогла похоронить его по-человечески — тело не нашли. Кремация. Ирония судьбы: мастерская сгорела, Даниил сгорел, и пепел смешался с пеплом его картин. Она стояла у здания в тот день и думала: вот он, часть его, летит сейчас в воздухе, оседает на её волосах, на плечах. Никогда раньше она не была так близка к нему и од-

новременно так далеко.

— Я согласна, — сказала Вера вслух своему отражению в треснутом зеркале. — Но не на свадьбу.

Она набрала ответ матери: «*Буду*».

Одного слова. Целый мир рухнул.

Встреча была назначена в ресторане «Север», том самом, где подают перепелов в винном соусе и где официанты носят белые перчатки. Вера ненавидела это место. Даниил любил пиццу в итальянской забегаловке на Тверской, где на стенах висели постеры с Челентано и где можно было грызть пиццу руками, не боясь уронить вилку.

Она приехала за десять минут до назначенного времени. Намеренно. Чтобы не дать ему повода сказать: «Вы опоздали». Хотя какая разница? Такие люди, как Корсаков, всегда найдут, что сказать. Их голоса скользкие, как лёд, и такие же холодные.

Вера выбрала платье — чёрное, строгое, с высоким воротом. Мать сказала бы «прилично», но мать не знала, что под этим платьем на левом предплечье у Веры татуировка — птица, которую набил Даниил собственноручно, когда они оба были пьяны и счастливы. Никто не должен её увидеть.

В ресторане играла скрипка. Живая. В углу сидела пожилая пара, они держались за руки и не замечали никого вокруг. Вера задержала на них взгляд дольше, чем следовало. Она смотрела, как мужчина гладит большим пальцем тыльную сторону ладони жены, и внутри что-то оборвалось. Да-

ниил делал так же. Он называл это «заземлением»: когда жизнь слишком быстрая, нужно замедлиться до касания.

— Вера Сереброва? — раздалось за спиной.

Она обернулась.

Алексей Корсаков оказался выше, чем на фото. И моложе. Ему было тридцать два, но выглядел он на все сорок — не из-за морщин, их почти не было, а из-за взгляда. Так смотрят люди, которые видели слишком много дерьма и научились не реагировать. Серые глаза, почти прозрачные, как вода в горном ручье. Волосы тёмные, но на свету отдавали сединой на висках — или ей просто показалось.

— Садитесь, — сказал он, не дожидаясь ответа, и сел сам.

Он не подал ей стул. Не улыбнулся. Не спросил, как дела. Просто сел напротив, положил на стол конверт из плотной бумаги и уставился на Веру так, будто сканировал. Она выдержала взгляд. Она научилась выдерживать взгляды ещё в детстве, когда отец ушел, и соседки смотрели на неё с жалостью.

— Вы знаете, зачем мы здесь? — спросил Алексей.

— Догадываюсь, — ответила Вера. Голос прозвучал ровно, хотя внутри всё дрожало. — Моя мать должна вам деньги.

— Должна, — кивнул Алексей. — Точнее, должна моей компании. А моя компания сейчас проходит процедуру слияния, и мне нужно выглядеть семьянином. Так проще получить кредиты, так проще договариваться с партнёрами из

консервативных стран. Вы — удобный вариант.

Вера моргнула. Она ожидала чего угодно: угроз, шантажа, даже намёков на романтику. Но чтобы вот так прямо — «удобный вариант»? Это было даже оскорбительнее, чем, если бы он пришёл с цветами.

— А если я откажусь? — спросила она, хотя уже знала ответ.

— Тогда ваша мать потеряет дом. Особняк вашей бабушки, тот самый, с часами, которые не ходят, пойдёт с молотка. Ваша бабушка окажется на улице. Вы этого хотите?

Он говорил спокойно, даже лениво, как будто обсуждал погоду. И это спокойствие бесило Веру больше всего. Она сжала край стола так, что побелели костяшки.

— Вы знаете, что недавно умер мой жених? — спросила она.

Алексей на секунду задержал взгляд. Лицо не дрогнуло.

— Читал в новостях. Пожар в мастерской. Сочувствую.

— Не похоже.

— Я плохо выражаю эмоции. Это не значит, что я их не испытываю.

Вера хотела засмеяться ему в лицо. Сочувствует. Человек, который заказал этот пожар (а она была почти уверена, что он), смеет говорить о сочувствии. Но она сдержалась. Сдержалась, потому что вспомнила бабушкин дневник. Корень болиголова. Цветы ландыша. Три капли того, чего жальче всего.

— Хорошо, — сказала Вера. — Я согласна.

Алексей приподнял бровь — единственное движение, которое выдало его удивление.

— Так быстро? Я рассчитывал на неделю уговоров.

— Зачем тянуть? — Вера натянула на лицо маску покорности. — Вы правы. Моя семья должна. Дом дорог. Бабушка дороже. Я выйду за вас замуж. Но есть условия.

— Какие?

— Во-первых, мы не живём вместе до свадьбы. Во-вторых, я продолжаю работать. В-третьих, вы не вмешиваетесь в мои отношения с матерью. В-четвёртых, мы не притворяемся влюблёнными. Никаких поцелуев на публику, никаких держаний за руку. Деловой контракт и ничего больше.

Алексей слушал, подперев подбородок рукой. Когда она закончила, он открыл конверт, достал оттуда лист бумаги и подвинул к ней.

— Я уже подготовил договор. Пункты один, два и три — ок. Четвёртый придётся скорректировать: пара фотографий для прессы, одно интервью, где вы расскажете, как мы счастливы. Никаких поцелуев, но держаться за руки придётся. И улыбаться. Вы умеете улыбаться?

Вера не ответила.

Она взяла ручку, пробежала глазами договор (мелкий шрифт, юридические формулировки, от которых клонило в сон) и поставила подпись. Свою подпись, ту самую, которой подписывала чертежи. Странно: чертежи она создавала до-

ма, а теперь подписывала себе приговор.

— Поздравляю, — сказал Алексей, забирая договор. — Вы теперь невеста.

— Поздравляю, — ответила Вера, вставая. — Вы теперь жених.

Она развернулась и пошла к выходу. Спиной чувствовала его взгляд — тяжелый, изучающий, как рентген. Она не обернулась. И только когда оказалась на улице, вдохнула полной грудью промозглый осенний воздух и поняла, что её пальцы всё ещё сжимают сумочку так сильно, что кожаные ремешки впиваются в ладонь.

— Ты что творишь? — раздался голос из машины, припаркованной у тротуара.

Вера подняла голову. Из окна старого «форда» выглядывала её подруга Настя — рыжая, веснушчатая, единственный человек, который знал про план Веры. Не весь план, конечно. Настя знала только, что Вера собирается выйти за Корсакова, чтобы спасти дом. Про дневник и яд Настя не знала ничего. И не должна была.

— Ты меня напугала, — выдохнула Вера, открывая дверь и падая на пассажирское сиденье. — Как ты здесь?

— Следила за тобой. Мать сказала, что у тебя встреча с этим... — Настя не подобрала слова, вместо этого просто сплюнула в окно. — Ты что, реально подписала? Вера, ты с ума сошла?

— У меня не было выбора.

— Выбор всегда есть. Можно продать дом. Сдать его в аренду. Взять кредит в другом банке. Да хоть на гринго выйти, в конце концов!

— Настя, — Вера повернулась к подруге, и в её глазах было что-то такое, от чего Настя замолчала на полуслове. — Я знаю, что делаю. Поверь мне. Просто поверь.

Настя хотела возразить, но передумала. Она знала Веру десять лет, с первого курса архитектурного. Знала, что, когда Вера так смотрит, спорить бесполезно. Можно только подождать и подтирать последствия.

— Ладно, — Настя завела двигатель. — Куда едем?

— К бабушке.

Дорога до особняка заняла сорок минут. Город кончился, начались поля, потом лес, потом снова поля. Дом Серебровых стоял на отшибе, окружённый старыми липами, которые помнили ещё прадеда. Вера любила это место, хотя многие находили его мрачным. Особенно часы в гостиной — напольные, дубовые, с маятником, который когда-то давно перестал качаться. Бабушка утверждала, что часы остановились в тот момент, когда умер дед. Вера в это не верила, но проверить не решалась: вдруг правда?

Бабушка встретила их на крыльце. Она была маленькой, сухой, как прошлогодний лист, но держалась прямо, словно внутри неё был стальной стержень. Глаза — выцветшие, но зоркие — сразу уставились на Веру.

— Подписала? — спросила бабушка вместо приветствия.

— Откуда вы... — начала Вера, но бабушка перебила.

— Я всё знаю. Заходите. Чай пить.

Настя осталась в машине — умница, чувствовала, когда её присутствие лишнее. Вера прошла в дом, и знакомый запах накрыл её с головой: сушёные травы, старые книги, воск от свечей. Бабушка зажгла лампу, хотя на улице было ещё светло, и жестом указала на стул.

— Садись. Рассказывай.

— Что рассказывать? — Вера опустилась на скрипучий стул. — Я подписала контракт. Через месяц свадьба. Мать счастлива. Корсаков получит свой «удобный вариант».

— А ты?

— А я, — Вера помолчала, — я буду делать то, что должна.

Бабушка поставила перед ней чашку с мятным чаем. Сама села напротив, положила руки на стол. Тонкие пальцы, узловатые суставы, на безымянном — кольцо, которое она не снимала пятьдесят лет.

— Ты нашла дневник? — спросила бабушка.

Вера поперхнулась чаем.

— Что?

— Дневник прабабки Агаты. Тот, на тридцать седьмой странице. Не делай вид, что не знаешь, о чём я. Ты взяла его из комода в моей спальне три дня назад. Я всё вижу, Верка. У меня не глаза, а локаторы.

Вера опустила взгляд. Пальцы сами начали крутить край

чашки.

— Я не собираюсь... — начала она, но бабушка снова перебила.

— Ты собираешься его убить. Я права?

Тишина. В гостиной стало слышно, как за окном шуршат листья и где-то вдалеке лает собака. Вера молчала. Она не могла сказать «да». Но не могла сказать и «нет».

— Посмотри на меня, — бабушка взяла её за подбородок, приподняла. — Посмотри. Я знаю, что ты чувствуешь. Я сама была на твоём месте пятьдесят лет назад.

— Вы? — Вера не верила. — Вы говорили, что не успели.

— Не успела, — бабушка убрала руку. — Потому что передумала. А передумала, потому что поняла: месть — это не про него. Месть — это про тебя. Ты думаешь, что убьёшь Корсакова — и Даниил оживёт? Нет. Ты думаешь, что тебе станет легче? Тоже нет. Тебе станет хуже. Потому что ты станешь убийцей. А он останется мёртвым.

— Ба, я не могу простить, — голос Веры дрогнул. — Он убил Даниила. Я уверена.

— Ты уверена? Или тебе так проще?

Вера подняла глаза. Бабушка смотрела на неё с жалостью, но без осуждения. С жалостью и какой-то странной гордостью, как будто узнавала себя молодую в этой сидящей перед ней девушке с горящими глазами.

— Дневник не настойка, — тихо сказала бабушка. — Дневник — предупреждение. Каждая женщина в нашем ро-

ду думала, что убивает ради справедливости. А убивала от бессилия. Ты сильнее, Вера. Ты архитектор. Ты строишь дома, а не разрушаешь. Не становись такой, как они.

— А что, если уже поздно? — спросила Вера. — Что, если я уже стала?

Бабушка не ответила. Она встала, подошла к часам, провела рукой по стеклу. Маятник качнулся. Один раз. Еле заметно. Вера замерла. Часы не работали пятьдесят лет. Не могли качнуться.

— Никогда не поздно, — сказала бабушка, не оборачиваясь. — Пока ты жива, всегда есть выбор. Даже если ты уже наступила на край пропасти. Даже если одна нога в воздухе. Выбор есть всегда.

Она повернулась. В её глазах блеснуло что-то влажное.

— Но если ты всё-таки решишь идти до конца, я не стану тебя останавливать. Только запомни: «три капли того, чего жальче всего» — это не деньги. Не дом. Не память. Это твоя собственная жизнь. Ты жертвуешь тем, чего жальче всего, когда готова умереть вместе с ним.

Вера встала. Чашка с чаем остыла, и на поверхности появилась тонкая плёнка. Она смотрела на неё и думала: «Я не боюсь умереть. Я боюсь забыть Даниила».

— Я поняла, ба, — сказала она. — Спасибо.

Она вышла на крыльцо. Настя всё ещё сидела в машине, но уже не водительском кресле — на капоте, с сигаретой в зубах.

— Ну что, старуха наставила на путь истинный? — спросила Настя.

— Наставила, — Вера взяла у неё сигарету, затянулась, хотя не курила уже три года. — Но не на тот, который вы думаете.

Она села в машину, закрыла глаза и попыталась вспомнить лицо Даниила. Оно расплывалось. Это было самое страшное: она уже начинала забывать, как точно выглядели его глаза. Зелёные. Или серые? Она помнила, что красивые. Но оттенок — ускользал.

— Насть, — сказала она, не открывая глаз. — Отвези меня в старый центр. На улицу Варварку.

— Зачем?

— Надо найти кое-какие травы.

Настя хотела спросить какие, но передумала. Она просто завела мотор и нажала на газ. Машина выехала на разбитую дорогу, оставляя за собой облако пыли. Дом Серебровых остался позади. Бабушка стояла на крыльце и смотрела вслед, пока силуэт «форда» не растаял в вечерней дымке.

— Береги её, — прошептала бабушка в пустоту. И добавила тише, про себя: — Береги себя, дура.

В машине Вера открыла телефон. Нашла дневник (она сфотографировала каждую страницу, на всякий случай) и перечитала рецепт в сотый раз:

«Корень болиголова — три доли. Цветы ландыша — пять лепестков. Вода из родника, текущего на восток. Смешать

в ночь полнолуния. Добавить три капли того, чего жальче всего. Напоить врага. Смерть наступит через сорок дней, каждый из которых будет уносить по капле его силы, пока он не превратится в тень».

Сорок дней. Сорок шагов до пропасти.

Вера убрала телефон и посмотрела в окно. За стеклом проплывали фонари, люди, жизнь, которая продолжалась, несмотря на то, что один человек перестал дышать. Ей хотелось крикнуть всему этому миру: «Остановитесь! Вы не понимаете! Он был лучше всех, а вы даже не заметили, как его не стало!»

Но мир не остановился.

И она не остановится.

Через сорок минут они были на Варварке. Улица старая, кривая, с домами, которые помнили ещё Ивана Грозного. Настя припарковалась у лавки с вывеской «Травы и коренья». Внутри пахло так, что кружилась голова: мята, зверобой, что-то горькое и сладкое одновременно.

— Девушка, вам чего? — спросила продавщица — тётка с лицом, похожим на печёное яблоко.

— Болиголов, — сказала Вера. — И ландыши. Сушёные. Тётка подозрительно прищурилась.

— Болиголов ядовитый, знаете? По рецепту только, с разрешения врача.

— У меня рецепт есть, — Вера достала лист бумаги, который предусмотрительно распечатала вчера. На нём стояла

печать частной клиники и подпись знакомого врача (спасибо Настиным связям). — От невролога. Для наружного применения.

Тётка изучила бумагу, пожала плечами и ушла в подсобку. Вернулась через пять минут с двумя свёртками.

— Семьсот рублей.

Вера расплатилась, спрятала свёртки в сумку и вышла на улицу. Сердце колотилось так, что, казалось, рёбра треснут. Она держалась спокойно, но внутри всё кипело. Первый шаг сделан. Яд в её руках. Осталось дожидаться полнолуния.

— Вера, — Настя стояла у машины, опершись на капот. — Ты меня пугаешь.

— Не бойся, — ответила Вера, открывая дверцу. — Бояться будешь потом.

Они поехали обратно. Вера смотрела на городские огни, которые постепенно гасли, уступая место темноте пригорода. Через месяц она станет женой Алексея Корсакова. Через сорок дней он умрёт. А она? Что станет с ней?

Она не знала. И не хотела знать.

Главное — план. Главное — не сбиться с пути. А что будет потом — какая разница?

Когда они подъехали к её дому, часы на приборной панели показывали половину одиннадцатого. Вера вылезла из машины, постояла секунду, вдыхая сырой осенний воздух, и сказала Насте:

— Завтра у меня встреча с Корсаковым. Фотографы. Нуж-

но будет улыбаться.

— А ты сможешь? — спросила Настя.

— Смогу, — Вера улыбнулась. Но улыбка вышла такой, что Настя поёжилась. — Я теперь много чего смогу.

Она захлопнула дверь и пошла к подъезду. Настя ещё долго сидела в машине, глядя на тёмные окна, и думала: что же она натворила, эта её подруга? И кем она станет, когда всё закончится?

Ответа не было.

А на небе, над городом, медленно округлялась луна.

До полнолуния оставалось пять дней.

Глава 2. Полнолуние

На следующий день Вера проснулась оттого, что кто-то настойчиво долбил в дверь. Стук был не громким, но уверенным — таким стучат люди, которые привыкли, чтобы им открывали. Она натянула халат, посмотрела в глазок и выругалась. За дверью стояла её мать — Ирина Сереброва, женщина пятидесяти трёх лет, которая выглядела на сорок, вела себя на шестьдесят, а думала, что ей всё ещё двадцать пять.

— Вера, открой, я знаю, что ты дома, — голос матери звенел, как натянутая струна. — Твой борщ стынет. Я принесла борщ.

Вера открыла. Ирина вошла, не снимая пальто, прошла на кухню, поставила кастрюлю на стол и только потом позволила себе оглядеть дочь с ног до головы. Взгляд был быстрым, оценивающим, как у врача на приёме.

— Ты не выспалась. У тебя круги под глазами. Ты вообще ешь?

— Мам, сейчас десять утра, — Вера прикрыла рот ладонью, подавляя зевок. — Я обычно завтракаю в одиннадцать.

— Вот и переходи на нормальный режим. Ты теперь невеста. У тебя будут фотографии, интервью, приёмы. Нельзя выглядеть как чучело.

Ирина открыла холодильник, вытащила оттуда полку с просроченным йогуртом и, не спрашивая, выбросила его в

мусорное ведро. Вера смотрела на это и чувствовала привычное раздражение, которое за годы превратилось из острого в тупое, как застарелая зубная боль.

— Мам, я сама могу следить за своим холодильником.

— Можешь, но не следишь. — Ирина закрыла дверцу, повернулась к дочери. — Вчера ты была у Корсакова. Рассказывай.

— Что рассказывать? Встретились, поговорили, подписали договор.

— Договор? — Ирина подняла бровь. — Какой договор?

— Брачный. Алексей предусмотрительный. Все пункты прописал, чтобы потом не было споров.

Ирина поморщилась, как будто съела лимон. Слово «брачный договор» явно было ей не по вкусу. В её представлении замужество должно было быть романтичным, с цветами, серенадами и хотя бы намёком на любовь. То, что дочь выходит за миллионера по контракту, ущемляло её чувство прекрасного.

— И что там за пункты? — спросила она, садясь на табуретку.

— Ничего необычного. Живём отдельно до свадьбы. Я работаю. Он не вмешивается. И никаких поцелуев на публику.

— Последнее — глупость, — отрезала Ирина. — Вы должны выглядеть как влюблённая пара. Иначе, какой смысл?

— Смысл в том, чтобы ты сохранила дом, — ровным голосом сказала Вера. — Разве не ради этого всё затевалось?

Ирина замолчала. Она уставилась в окно, на серое октябрьское небо, и Вера вдруг заметила, как сильно постарела её мать за последние полгода. Не внешне — она по-прежнему укладывала волосы в идеальный пучок и красила губы дорогой помадой. Но в глазах появилась какая-то обречённость, которой раньше не было.

— Ты ненавидишь меня, да? — тихо спросила Ирина.

— Нет, — ответила Вера честно. Она действительно не ненавидела мать. Жалела. Злилась. Но ненависть — слишком сильное слово для человека, который растил её одну после ухода отца. — Я просто не понимаю, как ты могла отдать меня человеку, которого я даже не знаю.

— А что я должна была сделать? — Ирина резко повернулась. Глаза её блестели. — Пойти на улицу? Отдать дом, в котором жили четыре поколения? Твоя бабушка умерла бы там, под забором. Ты бы умерла там. Или ты думаешь, что архитектор с трёхлетней дочкой легко найдёт работу в другом городе? Мы бы пропали, Вера. Все пропали. А Корсаков — это шанс.

— Шанс на что?

— На жизнь. На нормальную жизнь. Без долгов, без кредитов, без вечных звонков коллекторов. Ты молодая, красивая. Он не старый, не уродливый. В конце концов, могло быть хуже.

Вера хотела сказать, что хуже — это когда человека, которого ты любишь, сжигают заживо в собственной мастерской. А всё остальное — так, мелочи. Но она не сказала. Она подошла к матери, обняла её за плечи и почувствовала, как та вздрогнула. Ирина не привыкла к объятиям. Они вообще в их семье не привыкли к нежности — обходились делами, словами, заботами, но не касаниями.

— Всё будет хорошо, мам, — сказала Вера. — Ты не волнуйся.

— Ты прости меня, — прошептала Ирина, и в этом шёпоте было столько боли, что Вера на секунду забыла о мести. — Прости, что я не смогла по-другому.

— Прощаю.

Они постояли так минуту. Потом Ирина вытерла глаза, поправила пучок и сказала деловым тоном:

— В субботу у вас с Корсаковым фотосессия. В одиннадцать утра в парке «Сокольники». Приходи в бордовом платье, то, которое я тебе купила на прошлой неделе.

— Я не буду надевать бордовое платье.

— Наденешь. Оно подчёркивает фигуру. И волосы распустити.

— Мам.

— Не спорь. Это не я придумала, это его пиар-менеджер. Хотят создать образ нежной и женственной невесты. Ты в джинсах и свитере будешь выглядеть как подросток.

Вера вздохнула. Бордовое платье. Пиар-менеджер. Фото-

сессия в парке. Она чувствовала себя актрисой, которой навязали роль в дешёвом сериале. Но актриса хотя бы получает гонорар. А она получает право сохранить дом, где живёт бабушка. И право на месть.

— Хорошо, — сказала она. — Бордовое так бордовое.

Ирина ушла через полчаса, оставив на столе кастрюлю борща и список дел на неделю. Вера выбросила список в мусорное ведро (туда же, куда мать выкинула йогурт), а кастрюлю убрала в холодильник. Борщ был вкусным. Ирина умела готовить — это у неё получалось лучше, чем растить дочь.

Оставшись одна, Вера достала из шкафа свёртки с травами. Корень болиголова выглядел как обычные сушёные корешки: сероватые, морщинистые, без запаха. Она ожидала чего-то более зловещего — может быть, чёрного цвета или с каплями крови. Но нет. Обычные корни. Если бы она положила их на кухонный стол, никто бы не обратил внимания.

Цветы ландыша были красивее. Даже сушёные, они сохранили форму крошечных белых колокольчиков, похожих на фарфоровые украшения. Вера поднесла их к носу — запах едва уловимый, сладковатый, немного приторный. Таким пахнут дорогие французские духи и смерть.

Она разложила всё на столе, перечитала рецепт на телефоне в десятый раз.

«Растолочь корень болиголова в пыль. Смешать с лепестками ландыша. Залить родниковой водой. Настаивать три дня в тёмном месте. Добавить три капли того, чего жаль-

че всего. Проклятие начнёт действовать с первого глотка. Через сорок дней — смерть»

Сорок дней. Именно столько времени ей понадобится, чтобы притворяться любящей невестой, улыбаться фотографам, держать за руку человека, которого она собирается убить. Вера подумала: сможет ли она? Хватит ли у неё сил? И ответила: да. Ради Даниила — да.

Она не стала готовить яд сразу. До полнолуния оставалось четыре дня, а в рецепте было сказано: смешивать только в ночь полнолуния. Вера не верила в мистику — она была архитектором, человеком точных измерений и расчётов. Но если уж следовать древнему рецепту, то следовать буквально. Она убрала свёртки в ящик комода, закрыла его на ключ и ключ спрятала под подушку.

В дверь снова позвонили. На этот раз — курьер с огромным букетом белых роз. Вера открыла, расписалась и взяла карточку, приколотую к упаковке.

«С нетерпением жду субботы. А.К.»

Корсаков прислал цветы. Или его секретарь. Или пиар-менеджер. Какая разница? Розы были красивыми — свежими, с каплями воды на лепестках, упакованными в крафтовую бумагу и перевязанными атласной лентой. Вера поставила их в вазу, сфотографировала и отправила Насте с подписью: «Ухажёр».

Настя ответила через минуту: «В топку его. Приезжай, посидим».

Вера подумала и согласилась. Сидеть одной в квартире, где каждый угол напоминает о Данииле, было невыносимо. Они снимали эту двушку вместе два года назад. Даниил выбирал обои, Вера — мебель. Он хотел, чтобы стены были тёплыми, терракотовыми, а она настояла на светлых, чтобы визуально расширить пространство. В итоге сделали светлые, а одну стену покрасили в терракотовый — компромисс. Теперь Вера смотрела на ту стену и видела Даниила. Он любил стоять у неё, прислонившись спиной, и читать вслух стихи — плохие, которые сам сочинял. Она смеялась. Он обижался. Потом они мирились. Всё это было. Исчезло. Сгорело.

Настя жила в соседнем доме, в однушке, заваленной эскизами и банками с краской. Она была художницей-оформителем, работала в театре и вечно ходила с разноцветными пальцами. Вера застала её за странным занятием — Настя раскладывала на полу старые фотографии.

— Это что? — спросила Вера, переступая через снимки.

— Решила разобрать архив. Моя мать передала. Тут всё детство, школа, институт. — Настя подняла одну фотографию, показала Вере. — Смотри, какой вы с Даниилом молодые. Это на втором курсе.

Вера взяла снимок. Даниил обнимал её за плечи, они стояли на фоне общежития и смеялись. Ему было двадцать, ей — девятнадцать. Он носил дурацкую зелёную шапку с помпоном, а она — вязаный шарф, который связала сама, такой

длинный, что волочился по земле. «Мы похожи на ёлок», — сказал тогда Даниил. «На ёлку и её собственную тень», — ответила Вера. Он обиделся. Потом они пошли пить глинтвейн и мирились до утра.

— Убери, — сказала Вера, возвращая фотографию. — Не могу смотреть.

— Прости, — Настя быстро спрятала снимок в коробку. — Я дура. Не подумала.

— Ничего.

Они сели на кухне. Настя заварила чай с бергамотом — тот самый, который любил Даниил, и Вера снова почувствовала, как что-то сжимается в груди. Она сделала глоток и заставила себя улыбнуться.

— Расскажи лучше про субботу. Фотосессия в парке. Я должна выглядеть влюблённой. Как это делается?

— А ты не знаешь? — Настя хитро прищурилась. — Ты же любила. Ты знаешь, как смотреть на человека, когда он тебе дорог.

— Я знаю, как смотреть на Даниила. А на Корсакова?

— Смотри сквозь него. Представь, что он — кто-то другой. Или просто вспомни что-нибудь хорошее. Не про него, про себя.

Вера задумалась. Вспомнить что-нибудь хорошее, не связанное с Даниилом, оказалось трудно. Она прокрутила в памяти детство, школу, институт — везде был кто-то, но никто не оставлял такого следа. Только Даниил. Он был первым и

единственным. И теперь она собиралась убить человека, который (она почти не сомневалась) его убил.

— А если я не смогу? — спросила Вера. — Если он подойдёт, возьмёт за руку, а я отдернусь?

— Не отдернешься. Ты сильная. Ты пережила худшее, что могло случиться. Фотосессия — ерунда.

— Я не про фотосессию.

Настя посмотрела на неё долгим взглядом. Она хотела спросить — про что? Но передумала. Вместо этого она взяла Веру за руку и сказала:

— Ты знаешь, я всегда буду рядом. Что бы ты ни задумала. Даже если это безумие.

— Спасибо, — Вера сжала её пальцы. — Спасибо, что не задаёшь лишних вопросов.

— Задам. Потом. Когда придёт время.

Они проговорили до вечера. Вера рассказывала про встречу с Корсаковым, про его холодные глаза и ледяной голос, про договор и пункт про «никаких поцелуев». Настя смеялась, называла Алексея «роботом», а Веру — «невестой Робокопа». Вера улыбалась, хотя на душе было муторно. К девяти вечера она устала притворяться и ушла домой.

Дома её ждал сюрприз. На пороге, приваленный к двери, стоял ещё один букет — на этот раз из алых роз. Карточка гласила: «Надеюсь, вы любите красный. К субботе будет сюрприз. А.К.»

Вера выругалась. Она не любила красный. Не любила ро-

зы. И не любила сюрпризы, особенно от людей, которые собирались стать её жертвами. Но она взяла букет, занесла в квартиру и поставила рядом с белыми розами. Две вазы. Два цвета. Один мужчина.

Она легла спать, но долго не могла уснуть. В голове крутились мысли: яд, полнолуние, Корсаков, бабушка, дневник. Она ворочалась до двух ночи, пока не провалилась в тяжёлый сон без сновидений.

Утром позвонила мать.

— Вера, ты не поверишь! — Ирина говорила быстро, взажёлб, как девочка, которой купили новую куклу. — Корсаков купил билеты в театр на субботу. На «Лебединое озеро». После фотосессии вы идёте на балет. Это же так романтично!

— Мам, я не люблю балет.

— А кто любит? Это же не про любовь, это про статус. В театре будут люди, важные люди. Ты должна быть в вечернем платье. У тебя есть вечернее платье?

— Нет.

— Я одолжу тебе своё. Белое, с пайетками. Очень красивое.

— Мам, я не буду надевать твоё платье с пайетками. Я надену чёрное. У меня есть чёрное.

— На похороны, а не в театр! — Ирина возмущённо вздохнула. — Ладно, придумаем что-нибудь. Главное, не подведи. Это важный вечер.

— Я никогда не подвожу, — ответила Вера и повесила

трубку.

Она простояла пять минут, глядя на свою стену терракотового цвета. Потом подошла к комоду, достала ключ из-под подушки, открыла ящик и пересчитала свёртки. Болиголов. Ландыши. Всё на месте.

До полнолуния оставалось три дня.

В пятницу, накануне фотосессии, Вера поехала к бабушке. Ей нужно было взять дневник — оригинал, не фотокопии. В нём были пометки на полях, которых не было видно на снимках. Какие-то знаки, рисунки, приписки. Вера надеялась, что бабушка поможет их расшифровать.

Особняк встретил её сыростью и запахом сухих цветов. Бабушка сидела в кресле-качалке, взяла шарф и смотрела телевизор — старый «Горизонт», который работал с помехами.

— Внучка приехала, — сказала бабушка, не отрываясь от вязания. — А я уж думала, не приедешь.

— Я без вас не могу, — ответила Вера, целуя бабушку в щеку. — Мне нужен дневник.

— Знаю. Вон там лежит, в комод, под нижним бельём. Я его перепрятала, чтоб мать твоя не нашла. Она бы устроила скандал.

Вера открыла комод. Дневник лежал на самом дне — старая тетрадь в кожаном переплёт, с пожелтевшими страницами и потёртыми углами. Она бережно достала его, села рядом с бабушкой и открыла на тридцать седьмой странице.

«Корень болиголова — три доли. Цветы ландыша — пять лепестков. Вода из родника, текущего на восток. Смешать в ночь полнолуния. Добавить три капли того, чего жальче всего»

— Ба, а что значит «того, чего жальче всего»? — спросила Вера. — Я думала, это про жизнь. Но бабушка Агата точно не свою жизнь жертвовала, она прожила ещё двадцать лет после того, как отравила жениха.

Бабушка отложила вязание, сняла очки и посмотрела на внучку усталыми, мудрыми глазами.

— «Чего жальче всего» — это самое дорогое, что у тебя есть. Необязательно жизнь. Может быть, память. Может, вера в людей. Может, способность чувствовать. Каждая женщина в нашем роду жертвовала чем-то своим. Агата, говорят, после того отравления разучилась смеяться. До конца дней не улыбнулась ни разу.

— А вы? Вы сказали, что не успели. А если бы успели, что бы вы добавили?

Бабушка замолчала. Долго смотрела в окно, на липы, которые роняли последние листья. Потом тихо ответила:

— Я бы добавила свой страх. Я тогда очень боялась одиночества. Боялась, что если он умрёт, я останусь совсем одна. И добавила бы этот страх в яд. И он бы выпил его вместе с настойкой. А потом умер. И я осталась бы одна. Ирония судьбы, да?

Вера закрыла дневник. На последней странице был рису-

нок — женская фигура в длинном платье, стоящая у окна. Лица не было видно, только силуэт. Под рисунком подпись: «Вдова. Всегда вдова».

— Ба, а вы верите, что проклятие правда работает? — спросила Вера.

— Я верю, что если человек решает убить, он должен понимать, что убивает не только жертву. Часть себя он убивает тоже. Проклятие — это не магия. Это предупреждение. Ты готова потерять часть себя, Вера?

— Готова.

Бабушка покачала головой.

— Молодая ты ещё. Думаешь, что части себя — это ерунда. А они не ерунда. Они — это ты. Убьёшь одну часть — будешь другой. И не факт, что лучше.

Вера не ответила. Она поцеловала бабушку, спрятала дневник в сумку и уехала.

Вечером того же дня она зашла в аптеку и купила стеклянный флакон с узким горлышком — такой, чтобы можно было капать по каплям. Провизорша спросила, зачем, Вера сказала: «Для эфирных масел». Вранье получилось убедительным.

Дома она прокипятила флакон, просушила его и поставила на подоконник. Осталось дожждаться ночи.

А за окном медленно, но верно округлялась луна.

Завтра суббота. Фотосессия. Балет. И первый день её новой жизни — жизни невесты и вдовы одновременно.

Вера уснула в половине двенадцатого. Ей снился Даниил. Он сидел в своей сгоревшей мастерской, целый и невредимый, и рисовал на стене что-то белой краской. Вера подошла ближе и увидела: он рисовал её портрет. Но не её — той Веры, которая была раньше. Смеющейся, счастливой, свободной.

— Ты исчезаешь, — сказал Даниил во сне. — Я тебя почти не вижу.

— Я здесь, — ответила Вера. — Я рядом.

— Нет. Ты уже далеко.

Он закончил рисунок, отступил на шаг и исчез. Вера проснулась в слезах. Часы показывали три часа ночи.

Она не стала ложиться обратно. Включила ночник, достала дневник и перечитала последнюю страницу. Силуэт женщины у окна. «Вдова. Всегда вдова».

— Я не боюсь, — прошептала Вера в пустоту. — Я уже вдова.

Луна светила в окно, полная и яркая, как глаз хищника, следящего за добычей.

До полнолуния оставалось два дня.

Глава 3. Фальшивая улыбка

Субботнее утро началось с того, что мать Веры ворвалась в квартиру без стука, имея на руках запасной ключ, который Вера давно должна была забрать, но всё забывала.

— Ты ещё в постели?! — воскликнула Ирина, распахивая шторы с такой силой, что карниз жалобно скрипнул. — Вера, десять часов! Через час ты должна быть в парке!

— Я помню, — простонала Вера, зарываясь лицом в подушку. — Имей совесть, мам. Я легла в четыре.

— Вот и правильно, что в четыре. Красота требует жертв. А вставать нужно рано, чтобы лицо не было опухшим. Вставай, я принесла завтрак.

Ирина действительно принесла с собой пакет с домашними сырниками, сметану в баночке и термос с кофе. Вера понюхала воздух, почувствовала запах творога и ванили, и её сопротивление рухнуло. Она села на кровати, натянула одеяло до подбородка и приняла из рук матери тарелку.

— Ты хоть выспалась? — спросила Ирина, садясь на край кровати и с материнской тревогой вглядываясь в лицо дочери. — Синяки под глазами. Надо замаскировать.

— У меня есть консилер.

— Твой консилер — это детский лепет. Я принесла свой, профессиональный. И тональный крем, и хайлайтер, и всё, что нужно. Сегодня ты должна сиять.

— Мам, это просто фотосессия. Не конкурс красоты.

— Для прессы — всегда конкурс красоты, — отрезала Ирина. Она встала, прошла в ванную, включила воду. — Давай, завтракай и в душ. Через двадцать минут я начинаю колдовать над твоим лицом.

Вера вздохнула. Спорить с матерью в состоянии «десять утра, суббота, не выспалась» было себе дороже. Она съела два сырника, выпила кофе, чувствуя, как желудок сжимается от предвкушения и страха. Сегодня она увидит Алексея во второй раз. И ей придётся притворяться. Притворяться, что он ей не безразличен. Притворяться, что она не мечтает всыпать ему в вино яду.

Душ немного привёл её в чувство. Вода была горячей, почти обжигающей, и Вера стояла под струёй, пока кожа не покраснела. Ей хотелось смыть с себя всё: страх, ненависть, притворство. Но вместе с водой утекали только шампунь и гель для душа. Всё остальное оставалось.

Когда она вышла из ванной, закутанная в халат, Ирина уже разложила на столе косметичку, напоминавшую чемоданчик хирурга. Пенки, тональные, кисточки, спонжи — всего было так много, что Вера почувствовала головокружение.

— Садись, — скомандовала Ирина. — Голову назад.

Следующие сорок минут Вера чувствовала себя манекеном. Мать водила по её лицу кисточками, что-то припудривала, что-то растушёвывала, комментировала каждый свой

шаг с видом профессора на лекции.

— У тебя хорошие скулы, но их нужно подчеркнуть. Кожа сухая, поэтому сначала увлажнение. Твои брови — отдельная песня, я их чуть подкрашу. Глаза сделаем дымчатыми, но не слишком тёмными, а то будешь похожа на панду.

— Я и есть панда, — пробормотала Вера. — Внутренняя.
— Не болтай. Дыши ровно.

Наконец Ирина откинулась на спинку стула, окинула результат взглядом художника, дописавшего картину, и удовлетворённо кивнула.

— Готово. Иди одеваться.

Бордовое платье висело на плечиках на дверце шкафа. Вера сняла его, встряхнула и надела. Ткань приятно скользнула по телу — плотный шёлк, сдержанный блеск, длинный рукав и скромное декольте. Платье было дорогим, Вера это чувствовала. Ирина, должно быть, отдала за него половину своей пенсии.

— Смотрится хорошо, — сказала мать, поправляя воротник. — Ты красивая, Вера. Всегда была красивой. Просто не умела это показывать.

— Не умела или не хотела?

— Какая разница? Сегодня научишься.

Ирина подошла к зеркалу, встала рядом с дочерью. Две женщины в отражении — одна молодая, с печальными глазами и твёрдым ртом, другая постарше, с такой же линией подбородка и теми же заломами между бровями. «Яблоко

от яблони», — подумала Вера. И ужаснулась. Она не хотела быть похожей на мать. Но с каждым годом сходство становилось всё очевиднее.

— Спасибо, мам, — сказала Вера, и в этом «спасибо» было всё: благодарность, горечь, обида и что-то похожее на любовь.

— Не за что, дочка, — ответила Ирина. И добавила тихо: — Только будь с ним осторожна. Корсаков не тот человек, с которым можно играть.

— Я не играю.

— Вот это и страшно.

Вера надела туфли на низком каблуке (она не умела ходить на шпильках и не собиралась сегодня учиться), взяла сумочку, в которую положила телефон, ключи и маленький флакон с водой — на всякий случай, если пересохнет в горле. Флакон был стеклянным, с узким горлышком. Тот самый, который она купила в аптеке. Пустой. Пока пустой.

Настя ждала внизу, в машине. Увидев Веру, она присвистнула.

— Ого. А ты ничего, когда приедешься. Даже не узнать.

— Заткнись, — беззлобно ответила Вера, забираясь на пассажирское сиденье. — Поехали, а то опоздаем.

— Опоздать к такому жениху? Да ни в жизнь. Он тебя будет ждать. Такие, как Корсаков, всегда ждут. Им нравится, когда их заставляют ждать.

— Откуда ты знаешь?

— У меня был богатый парень на третьем курсе. Тоже нос воротил, тоже считал, что весь мир ему должен. Пока я не послала его с мерседесом. — Настя завела двигатель и лихо вырулила со двора. — Кстати, я припаркуюсь неподалёку и буду следить. Если что-то пойдёт не так, свистни.

— Я не умею свистеть.

— Тогда помаши. Я пойму.

Парк «Сокольники» в субботу утром был почти пуст. Октябрь сделал своё дело: листья облетели, небо висело серой ватой, а воздух пах сыростью и прелыми листьями. Вера вышла из машины у главного входа, огляделась и сразу увидела Алексея. Он стоял у фонтана — единственный живой человек среди застывших клумб и голых деревьев. На нём было тёмно-синее пальто, чёрные брюки и ботинки, начищенные до зеркального блеска. Он не курил, не смотрел в телефон, не переминался с ноги на ногу. Просто стоял и ждал, как изваяние.

Рядом с ним крутился фотограф — молодой парень в клетчатой рубашке, с огромным зеркальным фотоаппаратом на шее. Он что-то говорил Алексею, жестикулировал, показывал на какие-то точки, но Алексей, казалось, его не слушал. Он смотрел на Веру. Она заметила это, когда подошла ближе: его взгляд был направлен на неё, пристальный, изучающий, холодный. Так смотрят на картину в музее, прежде чем решить, нравится она или нет.

— Здравствуйте, — сказала Вера, останавливаясь в трёх

шагах. — Я не опоздала?

— Нет, — ответил Алексей. — Вы вовремя. Я ценю пунктуальность.

— Я тоже.

Они смотрели друг на друга секунду, две, три. Ветер подул, и волосы Веры, распущенные по настоянию матери, взметнулись, закрыв половину лица. Она убрала их движением, которое выглядело кокетливо, хотя на самом деле ей просто мешали.

— Какая красивая пара! — воскликнул фотограф, подсакивая к ним. — Просто статуя! Меня зовут Андрей, я сегодня ваш волшебник. Давайте начнём с того, что вы встанете ближе друг к другу. Жених, положите руку на талию невесты. Невеста, улыбнитесь!

Вера послушно шагнула к Алексею. Он положил руку ей на талию — осторожно, как будто она была стеклянной. Пальцы у него были длинными, холодными, и даже через плотную ткань платья Вера чувствовала этот холод. Она заставила себя улыбнуться. Не той улыбкой, которая была у неё с Даниилом — открытой, счастливой, до ушей. А другой: сдержанной, чуть надменной, как у светских львиц на обложках глянца. Она видела такие улыбки тысячи раз и могла скопировать не хуже актрисы.

— Отлично! — щёлкнул затвор. — А теперь посмотрите друг на друга. Жених, посмотрите на невесту. Невеста, томный взгляд. Томный, как будто вы в него влюблены.

Вера подняла глаза на Алексея. Он смотрел на неё сверху вниз — он был выше на голову — и в его серых глазах не было ничего. Ни тепла, ни интереса, ни даже обычной человеческой симпатии. Пустота. Как будто он смотрел на неё сквозь прицел снайперской винтовки.

— У вас очень красивые глаза, — сказала Вера. Громко, чтобы слышал фотограф. Но смотрела при этом так, будто говорила искренне.

— Спасибо, — ответил Алексей. — У вас тоже.

Он врал. Она врала. Они оба врали, и этот спектакль должен был убедить всех вокруг, что они — пара. Вера почувствовала тошноту. Ей захотелось оттолкнуть его, вытереть рукой то место на талии, которого он касался. Но она улыбнулась ещё шире.

Фотосессия длилась час. Они позировали у фонтана, на мостике, на фоне старых лип, сидя на скамейке, стоя у пруда. Фотограф гонял их как кукол: поверните голову, поднимите подбородок, сцепите пальцы, улыбнитесь. Вера улыбалась. Алексей тоже улыбался — редко, уголками губ, но улыбка его была такой же холодной, как и весь он.

Самым странным было прикосновение. В какой-то момент Андрей попросил их взяться за руки и пройтись по аллее, а сам бежал сзади и щёлкал. Вера вложила свою ладонь в руку Алексея и почувствовала, как её пальцы на мгновение замерли. Его ладонь была сухой, твёрдой, с мозолями — неожиданно для человека, который, вероятно, не держал в

руках ничего тяжелее ручки. «Странно», — подумала Вера. Мозоли были не такими, как у Даниила (у того были пальцы, испачканные краской и изрезанные бумагой). У Алексея мозоли были на ладони, прямо под пальцами — такие бывают у тех, кто много пишет от руки или... держит оружие?

Она отогнала эту мысль.

— Вы напряжены, — сказал Алексей тихо, когда они шли по аллее. Фотограф был далеко, он не мог их слышать. — Расслабьтесь. Иначе снимки получатся неестественными.

— Я стараюсь, — ответила Вера.

— Старайтесь лучше. Мне нужны качественные фотографии.

— Вам или вашему пиар-отделу?

— Мне. У нас контракт. Я должен выглядеть счастливым женихом. Вы должны выглядеть счастливой невестой. Взаимная выгода.

Вера стиснула зубы. Ей хотелось сказать: «А вы знаете, что я собираюсь вас убить?» Но она только улыбнулась — той улыбкой, которую отрепетировала за последние полчаса.

— Конечно, Алексей. Я буду самой счастливой невестой на свете.

Фотосессия закончилась около полудня. Андрей обещал прислать фотографии через три дня на утверждение, пожал всем руки и убежал обрабатывать снимки. Вера и Алексей остались вдвоём у фонтана. Ветер разогнал тучи, выглянуло бледное солнце, и парк стал почти уютным.

— Вы голодны? — спросил Алексей. — Я заказал столик в ресторане рядом.

— Я не голодна.

— Всё равно пообедаем. Вам нужно набраться сил перед балетом.

— Я не просила билеты в театр.

— Это подарок. От жениха невесте. Принято отказываться? — В его голосе появились первые нотки раздражения. Слабые, едва заметные, но Вера их уловила.

— Нет, — сдалась она. — Не принято. Хорошо, пообедаем.

Ресторан назывался «Дача» и находился в пяти минутах ходьбы от парка. Деревянный дом с верандой, внутри пахло дровами и хвоей — искусственно, но уютно. Алексей заказал отдельный кабинет на втором этаже, с окном, выходящим на засыпанный листьями сад. Официант принёс меню в кожаных обложках, зажёл свечу.

— Что будете? — спросил Алексей, не глядя в меню.

— Салат и рыбу.

— Я возьму суп и стейк. Вино?

— Не пью.

— Тогда сок.

Он сделал заказ, и они остались вдвоём в полумраке кабинета. Свеча горела между ними, отбрасывая тени на лица. Вера заметила, что Алексею идёт этот свет — он делал его черты мягче, а глаза — менее пустыми. На секунду ей пока-

залось, что перед ней сидит не робот, не убийца, а обычный человек, уставший, одинокий, загнанный в угол обстоятельствами. Но секунда прошла.

— Расскажите о себе, — попросил Алексей. — Я мало что знаю.

— Что именно вас интересует?

— Всё. Вы архитектор. Живёте одна. У вас есть подруга, которая возит вас на старой машине. Ваш жених погиб при пожаре. Это я знаю. Расскажите то, чего нет в досье.

— У вас есть на меня досье? — Вера подняла бровь.

— Конечно. Я не заключаю брачные контракты с незнакомцами.

— И что там, в досье? Мои школьные оценки? Первая любовь? Размер обуви?

— Оценки хорошие. Первая любовь — Даниил, с ним вы встречались шесть лет. Размер обуви — тридцать седьмой.

Вера усмехнулась. Она не ожидала, что он будет таким откровенным. Обычно люди скрывают, что собирали информацию. Но Алексей, похоже, не считал нужным притворяться.

— Вы всегда такой честный? — спросила она.

— Всегда. Честность — лучшая политика. Особенно в делах, которые касаются денег и обязательств.

— А любовь? Любовь не касается?

— Любовь — это химия. Она не имеет отношения к обязательствам.

Вера посмотрела на него с интересом. Химия. Даниил тоже говорил про химию. Но он имел в виду ту, что возникает между людьми, которая заставляет сердце биться быстрее и ладони потеть. Алексей, вероятно, имел в виду буквальную химию — молекулы, рецепторы, дофамин. В этом была разница между ними.

— Вы когда-нибудь любили? — спросила Вера. Вопрос вырвался сам собой, она не планировала его задавать.

Алексей помолчал. Долго. Так долго, что Вера подумала, он не ответит. Но он ответил:

— Да. Один раз. Это было давно. И плохо кончилось.

— Что случилось?

— Она умерла.

Вера замерла. Она не ожидала такого ответа. В её мире не миром Алексей Корсаков был бесчувственным монстром, который мог заказать убийство, не моргнув глазом. Но монстры не говорят «она умерла» таким голосом — тихим, с хрипотцой, как будто слова приходится вытаскивать из горла пинцетом.

— Простите, — сказала Вера. И сама удивилась, что не соврала.

— Не за что. Это было десять лет назад. С тех пор я не повторял ошибок.

— Любовь — это ошибка?

— Когда она не взаимна или заканчивается смертью — да. А в остальных случаях — дело вкуса.

Он замолчал, и Вера не стала продолжать. Принесли еду, и они ели в тишине, нарушаемой только звоном вилок и доносящейся с первого этажа тихой музыкой. Салат оказался свежим, рыба — нежной, но Вера почти не чувствовала вкуса. Она думала о том, что сказал Алексей. «Она умерла». Кто она? Как умерла? Убита? Болезнь? Несчастный случай? И главное — правда ли это?

Закончив обед, Алексей взглянул на часы.

— У нас два часа до балета. Я предлагаю прогуляться.

— По такой погоде?

— Погода отличная. Свежо, солнечно. Вы замёрзнете в своём пальто? Я могу дать вам свой шарф.

— Не надо, — быстро ответила Вера. Мысль о том, чтобы надеть его вещь, была неприятной. Но потом она подумала, что это может быть частью плана. Больше близости — больше доверия. Больше доверия — легче будет подсыпать яд. — Ладно. Давайте.

Они вышли из ресторана. Алексей снял шарф — тёмно-серый, кашемировый — и накинул ей на плечи. Шарф пах дорогим парфюмом, деревом и чем-то горьковатым, похожим на табак. Вера замоталась в него, чувствуя себя уютно.

Они гуляли по парку молча. Вера смотрела под ноги, на опавшие листья, на лужи, затянутые тонкой коркой льда. Алексей шёл рядом, держа руки в карманах пальто, и не пытался завязать разговор. Это было странное ощущение —

быть вдвоём и не говорить. С Даниилом молчание никогда не было тяжёлым. Они могли сидеть рядом часами, читать, рисовать, просто дышать в унисон. С Алексеем молчание давило.

— Вы любите балет? — спросила Вера, чтобы нарушить тишину.

— Не особенно. Но это статусное мероприятие. Там будет половина деловой элиты города. Нас увидят вместе, заговорят, фотографии попадут в прессу. Цель будет достигнута.

— Вы всё сводите к целям.

— А надо к чему-то другому?

— Не знаю. К чувствам, например.

— Чувства непредсказуемы. Ими нельзя управлять. А целями — можно.

Вера остановилась, повернулась к нему.

— Вы когда-нибудь делали что-то просто потому, что хотелось? Не ради выгоды, не ради статуса, а просто так?

Алексей задумался. Она заметила, что он делает это часто — задумывается перед ответом, как будто взвешивает каждое слово.

— Один раз, — сказал он, наконец. — Я купил билет в кино на фильм, который хотел посмотреть. Один. Без компании. Мне было семнадцать.

— И что за фильм?

— «Один дома». Глупая комедия. Я смеялся в пустом зале.

Вера не сдержала улыбки. Настоящей, не фальшивой, которая вырвалась помимо воли. Алексей — и «Один дома»? Это было так нелепо, так по-человечески, что она на секунду забыла, кто он.

— Почему вы улыбаетесь? — спросил он.

— Потому что вы не похожи на человека, который смотрит «Один дома».

— А на кого я похож?

— На человека, который смотрит новости по трём каналам одновременно и делает заметки на полях.

Алексей издал звук, похожий на смех. Короткий, горловой, почти неслышный. Но Вера уловила.

— Вы недалеко от истины, — сказал он. — Но иногда я позволяю себе слабости.

Они пошли дальше, и Вера поймала себя на мысли, что этот разговор — самый длинный и откровенный из всех, что у них были, — начал её обезоруживать. Алексей переставал быть абстрактным злодеем. Он обретал черты: кашемировый шарф, мозоли на ладони, сожаление в голосе о девушке, которая умерла. Она мотнула головой, отгоняя наваждение. Нельзя его жалеть. Нельзя. Он убил Даниила.

— Вам холодно? — спросил Алексей, заметив, что она поёжилась.

— Немного.

— Тогда вернёмся. У нас есть ещё час, я отвезу вас в театр. Машина ждёт.

Машина оказалась чёрным «мерседесом» с водителем в форме. Вера села на заднее сиденье, и Алексей сел рядом — так близко, что их бёдра почти касались. Она отодвинулась к двери. Он не заметил или сделал вид.

По пути в театр они не говорили. Вера смотрела в окно на город, который медленно погружался в субботние сумерки. Фонари зажигались один за другим, и в их свете лица прохожих казались мягче, добрее. Ей захотелось быть одной из них — обычной девушкой, которая идёт на свидание с любимым, а не на деловой ужин с человеком, чью смерть она планирует.

Театр оперы и балета встретил их люстрами, мрамором и толпой нарядных людей. Вера чувствовала себя самозванкой в материнском бордовом платье и чужом шарфе, который она вернула Алексею у входа. Он отдал шарф гардеробщику вместе со своим пальто, и они прошли в зрительный зал.

Их ложа была на втором ярусе, с отличным обзором на сцену. Вера села, Алексей рядом. Занавес ещё не подняли, оркестр настраивал инструменты — разноголосый гул, который постепенно стихал, когда дирижёр поднял палочку.

Свет погас. Занавес поплыл вверх.

«Лебединое озеро» — балет, который Вера видела один раз в детстве, с отцом. Она почти ничего не помнила, только белые пачки и музыку Чайковского — пронзительную, щемящую, такую красивую, что хотелось плакать. Теперь она

сидела рядом с Алексеем и слушала эту же музыку, но чувствовала совсем другое. Она чувствовала его присутствие — твёрдое, неподвижное, как камень. Он не шевелился, не вздыхал, не аплодировал. Просто смотрел на сцену невидящими глазами.

В антракте к ним подошли люди. Мужчина в дорогом костюме с женщиной в бриллиантах. Они говорили Алексею комплименты, жали руку, поздравляли с помолвкой. Вера улыбалась — той самой фальшивой улыбкой — и чувствовала, как её лицо затекает.

— Очаровательная невеста, — сказала женщина, окидывая Веру взглядом. — Вы так молоды. Алексей, вам повезло.

— Мне повезло, — повторил Алексей ровным голосом. И взял Веру за руку. Опять. Его пальцы сомкнулись вокруг её ладони, и она не отдернула. Сжала в ответ. Изобразила.

После антракта Вера почти не смотрела на сцену. Она смотрела на свои пальцы, переплетённые с его пальцами. И думала: «Сколько ещё таких вечеров? Сколько ещё прикосновений? Сколько ещё фальшивых улыбок, прежде чем я смогу влить в него яд?»

Балет закончился под овации. Вера похлопала — вежливо, без энтузиазма. Алексей тоже похлопал. Потом они вышли на улицу, и холодный воздух ударил в лицо, отрезвляя.

— Я отвезу вас домой, — сказал Алексей.

— Не надо. Меня встретят.

— Кто? Ваша подруга на старой машине?

— Да. Настя.

— Она вас любит, — заметил Алексей. — Хорошая подруга. Редкость.

Вера посмотрела на него. В темноте его лицо казалось высеченным из гранита — острые скулы, прямой нос, твёрдая линия рта. Красивый. Холодный. Опасный.

— Спокойной ночи, Алексей, — сказала она.

— Спокойной ночи, Вера.

Он сел в «мерседес» и уехал. Вера осталась одна у театрального подъезда. Через минуту подкатила Настя на своём «форде».

— Ну как? — спросила подруга, когда Вера забралась в машину. — Убила уже?

— Пока нет, — ответила Вера. — Но скоро.

— Шучу. Не убила. Но чуть не задушила собственной фальшивой улыбкой.

Настя хмыкнула и нажала на газ. Всю дорогу домой Вера молчала, глядя в окно. Она прокручивала в голове детали дня: его холодную ладонь, рассказ про умершую девушку, «Один дома» в пустом кинотеатре. Ей хотелось, чтобы он оказался монстром без единого человеческого качества. Тогда было бы легче. Тогда она бы не сомневалась. Но он не был монстром. Он был человеком. И это делало всё во сто крат сложнее.

Дома она сняла платье, стянула туфли и встала под душ. Смывала с себя макияж, прикосновения, запах его шарфа.

Вода была горячей, почти обжигающей, и она стояла под ней, пока не закончилась горячая вода.

Выйдя из душа, она подошла к комоду. Открыла ящик. Свёртки с болиголовом и ландышами лежали на месте. До полнолуния оставалась одна ночь. Завтра она приготовит яд. И тогда обратной дороги не будет.

Вера легла в постель, укрылась одеялом и закрыла глаза. Перед сном она прошептала в пустоту:

— Прости меня, Даниил. Я должна.

Луна за окном была почти полной — оставалась самая малость, один день, чтобы стать совершенно круглой. Вера уснула, и ей снился Алексей. Не Даниил. Алексей. Он стоял у окна в её комнате и смотрел на неё тем самым взглядом — холодным, пустым, рентгеновским. А она не могла пошевелиться. И чувствовала, как внутри неё что-то медленно, но верно меняется.

Она ещё не знала, что завтрашняя ночь перевернёт всё.

И что полнолуние — не просто астрономическое явление.

А начало конца.

Глава 4. Три капли

Ночь полнолуния выдалась ясной, холодной и тихой — такой, когда слышно, как падают звёзды, хотя на самом деле это просто ветер шевелит ветки за окном. Вера не спала. Она сидела на кухне, смотрела на луну, которая висела прямо напротив окна, большая, жёлтая, похожая на хирургическую лампу, и ждала, когда часы пробьют полночь.

За свою жизнь она не совершала ничего по-настоящему страшного. В детстве однажды разбила мамину любимую вазу и свалила на кошку — кошку потом выгнали на улицу, и она пропала. Вера до сих пор помнила этот холодок в животе, когда мать кричала, а она молчала. Но то была мелочь. Детская трусость. Сейчас всё иначе. Сейчас от её молчания зависела жизнь.

И смерть.

На часах было без пятнадцати двенадцать. Вера встала, зажгла на кухне только одну конфорку газовой плиты — чтобы был маленький огонь, как в старинных рецептах. Бабушка говорила, что в полнолуние нужно готовить яд при живом огне, иначе силы не те. Вера не верила в силы, но решила соблюсти ритуал. На всякий случай.

Она достала из ящика свёртки. Болиголов — серые, сморщенные корни. Ландыши — белые колокольчики, похожие на миниатюрные фарфоровые чашечки. Стекланный флакон

с узким горлышком стоял рядом, вымытый и прокипячённый. Вода из родника, текущего на восток, была набрана ещё днём. Вера съездила за город, нашла ручей, который действительно тек с востока на запад (она проверила по компасу на телефоне), и набрала пол-литровую бутылку. Вода была ледяной, прозрачной, без запаха. Вкус — она попробовала — обычный, только холоднее обычного.

На часах — двенадцать.

Вера перекрестилась. Она не была верующей, но руки сложились сами. Потом взяла ступку и пестик — те, которыми бабушка молола специи, — и высыпала туда корни болиголова.

Толочь оказалось трудно. Корни были сухими, но жёсткими, они пружинили под пестиком, не хотели превращаться в пыль. Вера давила, перетирала, круговыми движениями прижимала ко дну, пока руки не заболели. Через десять минут в ступке образовался сероватый порошок, похожий на золу. Она высыпала его в стеклянный флакон.

Затем — лепестки ландыша. Пять штук. Вера отсчитала их, как драгоценности, и бросила во флакон. Лепестки легли поверх порошка, белые на сером, красивые. Она залила всё родниковой водой — ровно столько, чтобы покрыть смесь. Закрыла крышкой, встряхнула.

Смесь замутилась, стала мутно-белой, как разбавленное молоко. Внутри плавали крошечные частицы корня и лепестки, которые медленно намокали, темнели, теряли фор-

му. Вера поставила флакон на подоконник, чтобы луна светила на него. Бабушка говорила: «Настой должен впитать свет полной луны, иначе он будет просто отравой, а не проклятием». Какая разница — отравы или проклятия? Результат один: смерть.

Оставалось добавить три капли того, чего жальче всего.

Вера села на табуретку, устала на флакон. Три капли. Чего жальче всего? Бабушка говорила про страх. Про веру в людей. Про способность чувствовать. Но Вера не знала, что выбрать. Она достала дневник, перечитала страницу с рецептом в десятый раз. Приписок на полях было несколько: каллиграфическим почерком прабабки Агаты — «добавить слезу», другим почерком, более размашистым — «кровь из пальца», и ещё одним, почти неразборчивым — «первый вдох ребёнка».

Слезу. Кровь. Вдох.

У Веры не было ребёнка. Кровь — легко, но банально. А слеза? Она почти не плакала. Разве что в первые дни после смерти Даниила. Но те слёзы были настоящими, выжженными изнутри горем. Может, они подойдут?

Она взяла флакон, поднесла к глазам. Попыталась заплакать — не получилось. Глаза оставались сухими, как колодец без воды. Она думала о Данииле, о его улыбке, о том, как он гладил её по голове, о пожаре, о том, что он, возможно, звал её перед смертью. Ничего. Слез не было. Горе превратилось в камень, который лежал в груди и не давал дышать, но не

выходил наружу.

Тогда Вера взяла иголку. Простерилизовала её над газовой конфоркой, проколола подушечку указательного пальца. Выступила капля крови — ярко-красная, живая. Она наклонила палец над флаконом, выдавила три капли. Кровь упала в мутный раствор, окрасила его в розовый цвет, потом растворилась, и жидкость снова стала мутно-белой.

«Чего жальче всего?» — спросила она себя.

Крови было, не жаль. Кровь восстанавливается. А вот чего-то другого — может, той Веры, которая была раньше. Смеющейся, доверчивой, способной любить без оглядки.

— Я жертвую собой, — прошептала Вера в пустоту. — Старую себя. Ту, которая верила в справедливость.

Флакон стоял на подоконнике, и луна светила сквозь него, отбрасывая на стену причудливую тень — что-то вроде женского профиля. Вера смотрела на эту тень и чувствовала, как внутри неё что-то обрывается. Не больно. Тишина. Как будто отключили звук.

Она просидела так до двух ночи, пока настой не приобрёл нужный цвет — бледно-золотистый, как у некрепкого чая. Потом закрыла флакон крышкой, убрала в ящик комода, а ключ снова положила под подушку.

Яд готов.

Теперь оставалось самое трудное: подсыпать его Алексею. И сделать это так, чтобы никто не заподозрил.

Воскресенье прошло в тягучем бездействии. Вера не вы-

ходила из дома, не отвечала на звонки матери (та звонила шесть раз), не ела, почти не пила. Она сидела на диване, смотрела в стену терракотного цвета и думала. План созрел постепенно, как плод, который нельзя сорвать раньше времени.

Она не могла просто подсыпать яд в бокал Алексею на людях — слишком рискованно. Не могла сделать это у него дома — не знала, где он живёт, и не была туда приглашена. Оставался вариант: их общие обеды, ужины, встречи. Она должна войти в доверие. Должна стать такой, чтобы он не следил за ней, не проверял, не подозревал.

Для этого нужно было играть лучше.

Вера подошла к зеркалу, посмотрела на своё отражение. Под глазами — тени, взгляд — потухший. Она не выглядела как счастливая невеста. Выглядела как женщина, потерявшая смысл жизни. Так не пойдёт.

Она нанесла тональный крем, подвела глаза, накрашила губы. Улыбнулась — тренировочно. Получилось лучше, чем вчера. Улыбка была почти живой.

— Ты актриса, — сказала она своему отражению. — Твоя роль — влюблённая невеста. Сыграй так, чтобы получить Оскара.

В понедельник утром позвонил Алексей. Вера удивилась — он не производил впечатления человека, который звонит сам. Обычно такие, как он, нанимают секретарей.

— Доброе утро, — сказал он без приветствия. — Как вы

себя чувствуете после субботы?

— Нормально, — ответила Вера. — А вы?

— Я тоже. У меня к вам предложение. В среду вечером у меня деловой ужин. Будут партнёры из Германии. Я бы хотел, чтобы вы присутствовали.

— В качестве кого? Невесты?

— В качестве моей невесты. Это укрепит мои позиции. Семейный человек вызывает больше доверия.

Вера помолчала. Деловой ужин — это возможность. Люди будут пить, есть, возможно, кто-то предложит тост. Она сможет незаметно добавить несколько капель яда в бокал Алексея. Настой был готов, она носила его с собой в маленьком флаконе, спрятанном в отделении для помады.

— Хорошо, — сказала она. — Я приду.

— Отлично. Я пришлю за вами машину в семь. Дресс-код — вечерний.

— Поняла.

Она повесила трубку и почувствовала, как сердце заби-лось быстрее. Не от волнения. От предвкушения. Первая возможность. Она должна ею воспользоваться.

Вторник Вера посвятила подготовке. Она съездила в торговый центр, купила вечернее платье — чёрное, строгое, с длинными рукавами и карманами. Карманы были важны: в одном она спрячет флакон с ядом. Платье сидело идеально, как будто сшито на заказ. Продавщица сказала: «Вы будете королевой бала». Вера подумала: «Скорее королевой похо-

рон».

Вечером она позвонила бабушке.

— Ба, я приготовила.

Бабушка молчала так долго, что Вера подумала — связь оборвалась.

— Я знаю, — наконец сказала бабушка. Голос её был тихим, усталым. — Я чувствовала. Луна вчера была красной.

— Красной? — Вера выглянула в окно. Луна была обычной, жёлтой.

— У нас, в деревне, была красной. Плохой знак. Вера, ты уверена?

— Я уверена, ба. Завтра у меня будет возможность.

— Не торопись. Смотри в оба. Такие люди, как Корсаков, не прощают ошибок. Если он заподозрит — ты пропала.

— Не заподозрит.

— Дай бог.

Они попрощались. Вера лежала в кровати, смотрела в потолок и прокручивала в голове завтрашний вечер. Она представила, как подходит к Алексею с бокалом, как отвлекает его разговором, как какает три капли яда в вино. Как он пьёт. Как ничего не замечает. А через сорок дней — умирает.

Она должна была чувствовать удовлетворение. Но чувствовала только пустоту.

В среду в семь вечера чёрный «мерседес» ждал у подъезда. Вера вышла в новом платье, с уложенными волосами и макияжем — на этот раз она сделала его сама, без помощи

матери. Получилось неплохо. Водитель, мужчина лет пятидесяти в фуражке, открыл дверцу, и Вера села на заднее сиденье.

Ресторан, где проходил ужин, назывался «Прованс» и находился в центре города, в здании бывшей типографии. Интерьер был выдержан в стиле французского кантри: деревянные балки, кованые светильники, букеты лаванды в глиняных горшках. Вера вошла в зал, где уже сидели за длинным столом несколько человек. Алексей поднялся, подошёл к ней, взял за руку.

— Вы прекрасно выглядите, — сказал он. Тихо, только для неё.

— Спасибо, — ответила Вера, стараясь говорить как можно естественнее.

Он представил её гостям: двое мужчин в дорогих костюмах, женщина с короткой стрижкой и массивными серьгами. Немцы. Они говорили по-английски с сильным акцентом, но Вера понимала: её английский был хорош.

— Моя невеста, Вера, — сказал Алексей. — Архитектор.

— О, архитектор? — оживилась женщина. — Это прекрасно! Вы работаете над какими-то проектами?

— Да, — Вера улыбнулась своей новой улыбкой. — В основном — жилые комплексы. Но мечтаю о реставрации старых зданий.

— У Алексея отличный вкус, — заметил один из мужчин. — И в бизнесе, и в женщинах.

Все засмеялись. Вера тоже засмеялась, хотя шутка была плоской. Она села рядом с Алексеем, и официант поставил перед ней бокал с белым вином.

— Я не пью, — сказала она тихо.

— Сегодня можно, — ответил Алексей. — Это «Шабли», очень хорошее.

Вера покачала головой:

— Я за рулём. У меня своя машина.

На самом деле она приехала на «мерседесе», но Алексей не стал спорить. Он кивнул официанту, и тот убрал бокал, заменив его на сок.

Ужин тянулся долго. Говорили о контрактах, поставках, логистике — скучные вещи, от которых Вера отключалась. Она следила за Алексеем, ждала момента. Он пил вино — красное, из массивного бокала. За два часа он опустошил три бокала. Каждый раз, когда он отвлекался на разговор с немцами, Вера тянулась к флакону в кармане. Но что-то её останавливало. Страх? Или сомнение?

Наконец, когда подали десерт, Алексей встал, извинился и вышел в туалет. Бокал с вином остался на столе — наполовину полный. Вера огляделась: немцы увлечённо обсуждали что-то между собой, женщина с короткой стрижкой смотрела в телефон. Никто не обращал на неё внимания.

Она достала флакон. Открутила крышку. Три капли. Всего три капли.

Её рука дрогнула. В голове зазвучал голос бабушки: «Ты

готова потерять часть себя?» И голос Даниила из сна: «Ты уже далеко».

Она убрала флакон обратно в карман. Не сейчас. Слишком рискованно. Слишком много людей. Слишком.

Алексей вернулся через пять минут, сел на место, допил вино. Вера смотрела, как движется его кадык, как он ставит бокал на стол. Живой. Пока живой.

Она почувствовала облегчение. И сразу — отвращение к себе. Что она делает? Она должна была добавить яд. Должна была начать отсчёт. А она струсила.

— Вы в порядке? — спросил Алексей, заметив её взгляд.

— Да. Просто задумалась.

— О чём?

— О работе. Нужно сдать проект до конца недели.

Он кивнул, не задавая лишних вопросов. Вера выдохнула. Ужин закончился около одиннадцати. Алексей вызвал для неё такси (она отказалась от «мерседеса», сказав, что хочет сама), и они попрощались у входа в ресторан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.